Георгий Чулков

«Новый путь»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Постукивая тростью, я зашагал к Неве. На Дворцовом мосту я уже уверял себя, что мои дела так или иначе должны поправиться. Рассчитывать на то, что «Новый путь» изменит свою политическую программу или что «Русское богатство» будет печатать декадентские стихи, конечно, было бы безрассудно, но я не склонен был унывать и на что-то надеялся…»

- Георгий Иванович Чулков
  - I
  - II
- notes
  - Примечания
    - 1
    - 2
  - Комментарии
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32

Георгий Иванович Чулков
«Новый путь»

I

Все ходатайства моего отца о разрешении мне жить в Москве оказались тщетными. Вел. кн. Сергей Александрович[1] упорно отказывал старику в его просьбах. Вскоре отец мой умер. С его кончиною порвана была моя последняя связь с прочным бытом, с семейной традицией, с уютом и тишиною.

В Петербурге в то время жила моя тетка, С.А. Москалева, вдова, бывшая тогда начальницей Высших женских курсов. У этой моей сановной тетки, ныне умершей, были связи в правительственных кругах. И вот она, хотя у меня с нею никогда не было и не могло быть по многим причинам близких отношений, принялась энергично за меня хлопотать «ради памяти покойной Шуры», т. е. ее сестры, моей матери. Хлопоты увенчались успехом, и мне было разрешено поселиться в Петербурге.

Я родился и вырос в Москве. В Петербурге у меня не было ни одного знакомого. Когда мы с женой приехали в столицу и наняли небольшую комнату на Литейном проспекте, в кармане у меня было рублей сорок. Никаких источников для материальной поддержки у меня не было. Когда-то, будучи еще гимназистом, а потом студентом первого курса, я зарабатывал деньги, сотрудничая в «Детском отдыхе», коего редактором был Н.А. Попов[2], впоследствии небезызвестный театральный деятель. Я возлагал все мои надежды на этот петербургский журнал и отправился в редакцию, уверенный, что меня примут там с распростертыми объятиями. Но – увы! – Н.А. Попов, как оказалось, покинул журнал, передав его своей супруге, которая встретила меня, хотя и вежливо, но сухо, и я понял, что рассчитывать на «Детский отдых» как на источник дохода было легкомысленно.

Я вышел из редакции подавленный и смущенный. Мне не хотелось идти домой и огорчать жену печальной вестью о неудаче. Я стал бродить по городу, размышляя о своей судьбе. Петербург, который впоследствии очаровал и пленил меня, казался мне в те дни скучным и неприветливым. Был сезон стройки и ремонта. Леса вокруг домов: перегороженные тротуары; кровельщики на крышах; известка: маляры, висящие в ящиках, подвешенных на канатах; развороченные мостовые – все это было буднично, уныло и внушало человеку чувство его собственной ненужности.

Очутившись на Васильевском острове, я зашел в немецкую пивную и спросил себе кружку пива.

«Что делать? И за какую литературную работу приняться? – думал я. – Стихи вообще никому не нужны, а я к тому же символист. Не понесу же я мои поэтические опыты в «Русское богатство». Как же быть? В Петербурге, правда, есть «Новый путь»[3], где печатают символистов, но там в политическом отделе такая неразбериха, что ничего понять нельзя, а ведь мне, революционеру, не полагается печататься в сомнительных органах».

Мой неостывший революционный пыл, моя молодость и две кружки пива подбодрили меня, и я вышел от немца с неопределенными надеждами на будущее.

Постукивая тростью, я зашагал к Неве. На Дворцовом мосту я уже уверял себя, что мои дела так или иначе должны поправиться. Рассчитывать на то, что «Новый путь» изменит свою политическую программу или что «Русское богатство» будет печатать декадентские стихи, конечно, было бы безрассудно, но я не склонен был унывать и на что-то надеялся.

Мой тогдашний литературный стаж был невелик – два-три рассказа, напечатанных еще до ссылки, и лирическая книжка «Кремнистый путь» с безвкусной, на мой теперешний взгляд, декадентскою обложкою, где был воспроизведен рисунок знаменитого Франца Штука[4] – голый человек, кричавший во все горло. Но тогда я совершенно не стыдился этого голого крикуна.

Я вспомнил, что в «Новом пути» появилась месяца за два до того благосклонная статья о моей книге, написанная *Allegro* (П.С. Соловьевой)[5]. Руководителем «Нового пути», как известно, был Д.С. Мережковский[6] и его супруга З.Н. Гиппиус[7]. Брюсов, когда я проездом через Москву зашел к нему, говорил мне, что чета Мережковских справлялась обо мне, кто я такой и не намерен ли я поселиться в Петербурге. Валерий Яковлевич настойчиво рекомендовал мне познакомиться с Мережковским, уверяя, что такое внимание к начинающему писателю со стороны литературных генералов большая честь. Но я тогда, по дикости своего нрава, не ценил никаких генералов – в том числе и литературных.

«А пойти к Мережковским все-таки, пожалуй, можно, – думал я, – журнал мне не нужен, но люди они своеобразные. Надо их послушать и на них посмотреть».

Недели через две после этих размышлений я отправился вечером в дом Мурузи, который оказался в двух шагах от моей квартиры на Литейном проспекте. Приняла меня Зинаида Николаевна.

Узнав, что я в Петербурге уже две недели, она тотчас же стала упрекать меня за то, что я медлил к ним явиться.

– Вам ведь говорил Брюсов, что я хочу с вами познакомиться?

– Говорил.

– Почему же вы не шли к нам?

– Сам не знаю, почему, Зинаида Николаевна. Человек я дикий.

– Ах, я сама дикая.

Она полулежала на кушетке, дымя тоненькой дурманной папироской. В полумраке гостиной ей нельзя было дать и тридцати лет, а ей было тогда под сорок. Я смотрел на нее, и мне казалось, что я как будто где-то видел это лицо – эти рыжеватые волосы, русалочьи глаза и большой нескромный рот.

Она болтала со мною просто и непринужденно, заметив, должно быть, мою застенчивость и стараясь меня ободрить. Время от времени она, впрочем, сбивалась с дружеского простого тона, и я чувствовал когти в бархатных лапах умной тигрицы.

– Мне говорили, что вы ужасный ре-во-лю-цио-нер! – протянула она, вооружившись лорнеткой и довольно бесцеремонно меня разглядывая. – А я, представьте, почти не встречалась с этими людьми… Говорят, что вас высылали куда-то в Сибирь, очень далеко… Вы ездили на собаках… Это, должно быть, очень смешно ездить на собаках? А? Вы жили в тайге? Расскажите про тайгу…

Эта тема была мне по вкусу. Я тогда еще не был свободен от таежных чар и мог часами рассказывать о лесных озерах, о шаманах, о снежной пустыне, мне полюбившейся…

Кажется, эти рассказы увлекли мою собеседницу. И когда на пороге, шаркая туфлями, показался Дмитрий Сергеевич, она ему крикнула, смеясь:

– Иди скорей. Тут у меня сидит ре-во-лю-цио-нер. Он тут очень интересные сказки рассказывает…

Мы перешли в столовую пить чай.

– Вы следили за нашим «Новым путем»? – допрашивал меня Мережковский, разглядывая меня пристально и несколько бесцеремонно, как и его супруга.

– Да, следил и слежу с немалым интересом.

– И вас не пугают наши религиозно-философские искания? Революционеры ведь все атеисты.

– Нет, это меня не пугает. Меня другое смущает в вашем журнале.

– А что же именно?

– Ваши политические статьи и вообще ваша философия истории. Тут у вас безнадежные противоречия и какая-то странная путаница. Иногда все это сбивается на очень банальную реакционность.

– Ах, какой вы откровенный! – засмеялась Гиппиус. – Это мне нравится, что вы так прямо.

– Я вас предупреждал, что я варвар и не умею хитрить.

– Оставь, Зина, – завопил Мережковский, широко раскрывая рот и чуть картавя. – Дай ему высказаться…

И я высказался. Мережковские слушали меня очень внимательно.

Когда я кончил мой монолог, похожий на обвинительную речь по адресу «Нового пути», Мережковский, переглянувшись с женою, вдруг сказал:

– Я вас приглашаю принять на себя обязанности секретаря нашего журнала.

– Как секретаря? – удивился я. – Вы хотите, чтобы я исполнял обязанности технического секретаря, не вмешиваясь в редакционные дела?

– О, нет. Вы будете нашим ближайшим сотрудником.

– Вы смеетесь, Дмитрий Сергеевич? Я вам только что изложил все мои с вами разногласия, а вы предлагаете мне войти в журнал.

– Да, предлагаю. Дело в том, что те политические тенденции, какие иногда сказываются в нашем журнале, нам самим опостылели. Журнал надо очистить от этого полуславянофильского, полуреакционного наследия…

– Но я не могу сотрудничать с таким-то и таким-то…

– Они уйдут.

– Но у вас самих, Зинаида Николаевна, и у вас, Дмитрий Сергеевич, могут быть такие уклоны, какие для меня окажутся неприемлемыми…

– Мы вам предоставим право вето.

Я не ручаюсь, конечно, за буквальную точность выражений, но сущность тогдашней моей беседы с Мережковскими была именно такова.

Одним словом, в какие-нибудь два-три часа определилась моя судьба. Я согласился на предложение Мережковских. Я стал ближайшим сотрудником «Нового пути». Мне тогда не было и двадцати пяти лет, и легко представить, как трудно мне было очистить трюм журнального корабля и взять в свои неопытные руки ответственное кормило. Но я скоро освоился с журнальным ремеслом и внушил такое доверие Мережковским, что они преспокойно уехали за границу, оставив «Новый путь» на мое попечение.

Положение редактора вообще незавидно. Даже авторитетные и заслуженные писатели, попадая в положение редактора, вызывают на себя нарекания со всех сторон. Все считают своим

долгом критиковать и осуждать: читатели, публицисты и критики иного лагеря, а также и своего собственного, обиженные авторы и даже товарищи по редакции. А ведь всем не угодишь. Самое трудное и жуткое дело – авторское самолюбие.

Мое положение было невыносимо, ибо прежде всего я занимал место не по заслугам. Я был еще слишком молод. Одна книжка стихов и несколько рассказов не давали мне еще права быть руководителем такого журнала, как «Новый путь». Ответственный редактор, Д.В. Философов{8}, был пассивен, а наш ежемесячник был слишком на виду. Журналы всех направлений травили его, как могли. Консервативный «Русский вестник»{9} доказывал, что мы страшные карбонарии и анархисты; «Русское богатство» уверяло, что мы ревнители самой ужасной реакции… После моего вступления в редакцию не было поводов для упреков в политической и социальной реакционности: придраться было не к чему. Но самые религиозно-философские темы, интересовавшие нас, были, как известно, под запретом русского либерализма.

Прибавьте к этому двойную цензуру – светскую и духовную. Борьба с цензурою всецело была возложена на меня.

Почти две трети статей из светской цензуры направлялись в духовную, и буквально каждый месяц повторялась та же история. В редакцию «Нового пути» являлся посланный от духовного цензора, архимандрита Мефодия{10}, с извещением, что все запрещено.

– Как все? Быть того не может?

– Так точно-с. Отец архимандрит изволили сказать, что все. Они только просили вас самих приехать. Они вам все лично объяснят.

И я, захватив с собою второй экземпляр гранок, ехал в Александро-Невскую лавру объясняться с архимандритом.

Цензор встречал меня чрезвычайно любезно. В келью подавали немедленно самовар. Послушник приносил малиновое варенье. И архимандрит предлагал мне все читать по порядку.

– Тут все ересь, Георгий Иванович, ужасная ересь. Я не могу пропустить. Тут у вас прямо-таки гностицизм{11} проповедуется.

Я потом разгадал психологию этого почтенного архимандрита. Ему до тошноты надоели официальные духовно-нравственные журналы, где нечего было вычеркивать. А тут представлялся случай поговорить на острые темы – с людьми из иного лагеря. Все это было интересно. И архимандрит требовал меня к себе для беседы и спора. В конце концов обыкновенно погибали две-три страницы, а весь материал, по правде сказать, в самом деле «еретический», беспрепятственно появлялся на страницах «Нового пути». Нравы были патриархальные.

Этот архимандрит Мефодий Великанов поставил однажды меня в очень затруднительное положение. Это случилось осенью 1905 года, когда я работал в «Вопросах жизни». Наш цензор оказался членом «орфографической комиссии» и выпустил брошюру «К вопросу о реформе русского правописания». Робея от избытка авторского самолюбия, он просил меня поместить в «Вопросах жизни» рецензию на его брошюру. Ознакомившись с ее содержанием, я убедился, что согласиться с ее тенденцией никак не могу. Архимандрит был сторонником радикального орфографического упрощения. Если этот почтенный монах сейчас благополучно здравствует, сердце его, вероятно, радуется, ибо его мечта об упрощении осуществилась теперь, как известно, полностью. Итак, нужно было поместить дипломатическую рецензию, то есть, не соглашаясь с идеями архимандрита, облечь твердую критику в вежливую и приятную форму. По счастью, Вяч. Ив. Иванов самоотверженно согласился взять на себя эту миссию, и надо сказать, что свое задание исполнил виртуозно. Эта его философско-филологическая заметка своего рода шедевр{12}. Рекомендую ценителям этого писателя прочесть ее в сентябрьском номере журнала «Вопросы жизни» за 1905 г. И архимандрит был очень доволен.

II

В апрельской книжке «Нового пути» за 1904 год была помещена статья «Перевал»{13}, из которой было ясно, что журнал приобрел нового кормчего. Я зорко следил за тем, чтобы на страницах «Нового пути» не появилось чего-нибудь «сомнительного» в политическом отношении. Работать мне было нелегко. Мережковские были за границей. Денег в журнале почти не было. Гонораров сотрудники не получали или получали очень мало. И я работал за троих: писал во всех отделах – и в религиозно-философском, и в политическом, помещал рассказы, критические статьи, рецензии, стихи… Но я был молод, и труд только радовал меня. Однако я понимал, что нужны еще иные силы, нужны новые сотрудники. Когда Мережковские вернулись из заграничной поездки, они первые заговорили о привлечении к журналу Н.А. Бердяева{14}, С.Н. Булгакова{15} и прочих философов. Сделать это было не так просто. До знакомства со мной Мережковские пытались вести переговоры с этими писателями, но безуспешно. В то время Бердяев и Булгаков, хотя и разочаровались в марксизме, ревниво еще отстаивали социалистические идеи. Неясность в этом отношении позиции «Нового пути» смущала их. Но теперь прошло полгода – с апреля по сентябрь. Характер «Нового пути» изменился. Мережковские решили еще раз сделать попытку привлечения к журналу новых людей. В это время Булгаков жил в Крыму, в Кореизе. Мережковские убедили меня поехать туда для переговоров по поводу расширения «новопутейской» программы. Я послал Булгакову телеграмму и, получив от него телеграфный ответ с согласием на переговоры, выехал в Севастополь.

Я попал в Кореиз к вечеру и решил отложить свою беседу с Булгаковым до утра. Наняв комнату в первом попавшемся пансионе, расположился я на ночлег. Но спать мне не пришлось. Ночь была томительно жаркая и дурманно-благоуханная. Вокруг всего дома шел балкон. На этом балконе до утра сидели влюбленные парочки. Нежное бормотанье и страстный шепот так и не дали мне заснуть ни на минуту. И я утром отправился к Булгакову невыспавшийся и усталый, а беседа предстояла ответственная.

С.Н. Булгаков, по-видимому, был очень доволен возможностью завязать отношения с «Новым путем». Тогда ведь основать новый журнал было очень трудно: для этого требовалось особое разрешение.

– Что сталось с «Новым путем»? – спросил Булгаков, когда мы

уселись с ним на диване. – Я слежу внимательно за каждой книжкой. С апреля по сентябрь он как будто изменил политическую программу. Откуда вы достали новых сотрудников?

И Булгаков назвал мои тогдашние псевдонимы{16}. Я объяснял, в чем дело.

Сговориться с Булгаковым теперь не представлялось трудным. В тот же день мы выработали с ним примерную конституцию журнала. К несчастию, сам Булгаков не мог жить в Петербурге, и он настаивал на том, чтобы я был представителем интересов и мнений новых сотрудников журнала. Я смутно чувствовал, что это ставит меня в неловкое положение по отношению к Мережковскому и Гиппиус, но я был так неопытен житейски и так искренне хотел спасти журнал, что согласился на этот план, не подозревая, какие горькие плоды он принесет.

Надо сказать и то, что союз, заключенный тогда между «новопутейцами» и такими писателями, как С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев, был не совсем натурален. Сошлись люди совершенно иной психологии. Булгаков привел с собою не только «идеалистов», как С Л. Франк{17}, Н.О. Лосский{18}, П.И. Новгородцев{19} и др., но и целую группу сотрудников вроде В.В. Водовозов{20}, М.И. Туган-Барановского{21}, Л.Н. Яснопольского{22} и др.

Экономисты и публицисты, даже не по взглядам своим, а просто по своим интересам, были совершенно чужды главным сотрудникам «Нового пути», но и сами философы – С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев – по своей душевной природе были люди не совсем «свои».

Мережковский и его друзья, а еще более З.Н. Гиппиус и поэты, ее окружавшие, – Блок, Белый и многие dii minores[1], как, например, Леонид Семенов{23}, А. Кондратьев{24}… – все они были совершенно оторваны от традиционной психологии нашей интеллигенции. Русские интеллигенты (по крайней мере, в главном и широком русле нашей общественности) с конца сороковых годов уже до такой степени связаны были тем или другим политическим направлением, что совершенно утратили способность видеть в культуре нечто самостоятельное. Поэзия, философия, живопись – решительно все рассматривалось и оценивалось с точки зрения социальной полезности. При этом и самая идея «полезности» понималась до странности наивно. Вот почему «Новый путь» был совершенно не похож на наши толстые ежемесячники, пухлые и серые, очень назидательные и очень пресные. Самый стиль и композиция «новопутейских» статей вовсе не походили на обычные статьи наших направленских журналов. В «Новом пути» печатались по преимуществу статьи

краткие и афористичные. Авторы заботились не столько о политической добродетели, сколько об убедительности мысли и выразительности языка. Расчет был на читателя догадливого, и поэтому авторы не размазывали своих тем. В наших тогдашних толстых ежемесячниках сотрудники, за редким исключением, писали одним языком и одним стилем. В «Новом пути» дорожили своеобразием. Значительная часть «новопутейцев» состояла из «декадентов». С.Н. Булгаков весь был преисполнен самой высокой добродетели и больше всего боялся «порочных» поэтов. Он сразу почувствовал, что я не так уж строг к декадентам, и умолял меня быть осмотрительней в отделе поэзии.

Н.А. Бердяев, который поселился в Петербурге, оказался менее prude[2], чем его собрат по философии. У него даже была склонность пококетничать своим эстетическим вольномыслием. Он любил Верлена, Гюисманса{25}, Вилье де Лиль Адана{26} и все, что полагалось по декадентскому канону.

Последние три книжки «Нового пути» за 1904 год вышли уже при участии С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева. Литературная часть осталась неприкосновенной. Я отстоял символистов. Но философские и публицистические статьи были уже иного, не «новопутейского» стиля.

В это время и Булгаков, и Бердяев переживали второй духовный кризис. Когда-то ревнители «диалектического материализма» – они, вкусив чашу с кантианским ядом{27}, не могли уже вернуться в стан своих недавних единомышленников. Но теперь они были на пороге нового миросозерцания. Кантианский идеализм их не удовлетворял. Булгаков в своих программных статьях уже заключает слово «идеализм» в кавычки. Оба они склонялись все более и более к «положительной религии»{28} – но, спутанные по рукам и ногам интеллигентской фразеологией, еще не решались порвать с традиционным публицистическим подходом к вопросам духовной культуры.

Я сейчас, набрасывая эти строки, решил перелистать последние книжки «Нового пути» за 1904 год. И вот что, «пыль веков от хартий отряхнув»{29}, прочел я в конце последней декабрьской программной статьи С.Н. Булгакова, посвященной аграрному вопросу: «Выставляя трудовое начало, как высшую норму аграрной политики, мы сочтем этот принцип осуществленным только тогда, когда он явится единственным началом организации землевладения и земледелия и когда нетрудовое хозяйство окончательно упразднится, уступив свое место крестьянскому трудовому хозяйству, которое, объединяясь в артели, кооперации и всякие трудовые братства, протянет братскую руку и пойдет навстречу городскому пролетариату,

стремящемуся дать торжество тому же трудовому началу, хотя и своим особым путем…»

Так С.Н. Булгаков на «идеализме» старался обосновать радикальную социальную программу – в надежде, что очень скоро «нетрудовое хозяйство окончательно упразднится».

Философствовать по этому поводу я не намерен, ибо в моих непритязательных записках я рассказываю не об идейной тогдашней эволюции нашей, а просто о людях и фактах, сознательно оставаясь в пределах психологизма…

Сам я никогда не был идеалистом, если под идеализмом разуметь классическую немецкую философию, а что касается собственно кантианской гносеологии, то в плену ее был я очень недолго. И скоро сделался яростным ее ненавистником, считая себя «реалистом в высшем смысле»{30}, как выражался Достоевский и его герой Мышкин.

Я уже сказал, как трудно было мое положение между двух редакционных групп «Нового пути». Я чувствовал, что Мережковские как будто меня ревновали к новым людям, которых сами же пригласили. Кончилось все это очень печально. По какому-то поводу (кажется, это была статья З.Н. Гиппиус, которую я отказался печатать) у меня произошел с Мережковским спор о моих правах как члена редакции. Вызвали телеграммой в Петербург Булгакова. Мережковские предложили ультиматум: или они в редакции, или – Чулков.

Конечно, у Мережковских было тогда неизмеримо больше литературных прав и заслуг, чем у меня. Я был тогда слишком молод.

Но на редакционном собрании, в котором я – кстати сказать – не принимал участия, большинство высказалось за то, что продолжать журнал без меня невозможно. Так прекратил свое существование «Новый путь».

Конфликт Мережковских со мною был, конечно, случайностью. Он послужил только поводам. А дело было в том, что «в одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань»{31}. Я, однако, не понимал, что Мережковские не простят мне этого крушения «Нового пути». С совершенной наивностью пошел я на ближайший журфикс{32} Мережковских, воображая, что литературный спор не помешает нам быть в прежних дружелюбных отношениях. Увы! Прелестная Зинаида Николаевна смотрела на меня такими злыми глазами и метала в меня такие отравленные стрелы, что я понял, каких свирепых врагов я себе нажил. С этого дня началась литературная кампания против меня, но еще целый год велась она глухо и сдержанно. Буря засвистела над моей головой позднее, в 1906 году. Целый год еще враги не

решались открыто меня атаковать, ибо у меня была сильная позиция – журнал «Вопросы жизни», создавшийся на развалинах «Нового пути».

notes

Примечания

1

Младшие боги (лат.). Зд.: второстепенные, менее значительные.

2

Стыдливый (фр.) – зд.: привередливый.

Комментарии

1

Вел. кн. Сергей Александрович (1857–1905) – сын императора Александра II, московский генерал-губернатор в 1891–1905 гг., убит эсером Иваном Каляевым.

2

Попов Николай Александрович (1871–1949) – режиссер, драматург, театральный деятель, руководил в начале XX в. «Народным театром» Василеостровского общества народных развлечений, осуществлял постановки в театре В.Ф. Комиссаржевской. В 1930-1940-е гг. – режиссер Малого и Большого театров в Москве.

3

Подробно общественно-политическая программа и литературно-критическая позиция журнала освещена в статьях Д. Максимова «Новый путь» (Евгеньев-Максимов В. и Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930) и И.В. Корецкой «Новый путь», «Вопросы жизни» (Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. М., 1982).

4

Штук Франц (1863–1928) – немецкий живописец и скульптор, представитель стиля «модерн». Его произведения отличают эротика и брутальность. Так, М. Волошин считал его «развязным и размашистым живописцем», создателем «блестящих и наглых полотен, <…> оскорбляющих мещанский вкус европейской публики как раз в меру, для того чтобы заставить всех уверовать в свою гениальность» Волошин М. Лики творчества. М., 1988. С. 454).

5

Allegro – (наст. имя и фам. Поликсена Сергеевна Соловьева; 1867–1924) – поэтесса, издательница детского журнала «Тропинка», сестра философа Вл. С. Соловьева, автор одной из первых рецензий на книгу Чулкова «Кремнистый путь» (Новый путь. 1904. № 2).

6

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – прозаик, поэт, драматург, критик. В эмиграции с 1920 г. Чулков признавал незаурядный критический талант писателя, значительность его философской концепции, ценил «музыкальность» его идей, однако не соглашался со многими его критическими «приговорами» – нападки на Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского и др. (Чулков Г. Болящий дух // Вчера и сегодня; эссе «О Мережковском» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 207). Вместе с З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым явился провозвестником «нового религиозного сознания».

7

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэт, прозаик, критик. В эмиграции с 1920 г. Оставила резкие отзывы о теоретических построениях Чулкова (Иван Александрович Неудачник // Весы. 1906. № 8; Трихина // Весы. 1907. № 5). Об их взаимоотношениях см. ст. М.В. Михайловой «З.Н. Гиппиус и Г.И. Чулков» (Веста Моск. ун-та. Серия «Филология». 196. № 5).

8

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – литературный и художественней критик, публицист, юрист по образованию. Двоюродный брат С. Дягилева. Член «Мира искусства». С 1920 г. в эмиграции.

9

«Русский вестник» – литературный и политический журнал (1856–1906, Москва и Петербург). Редактор – в начале века – М.М. Катков (сын М.Н. Каткова). Проводил идеологию самодержавия и консервативных общественных кругов.

10

Архимандрит Мефодий (в миру Великанов Михаил Матвеевич; 1852–1914) – автор работ по синтаксису и истории ударения в русском языке.

11

Гностицизм – религиозно-философское движение поздней античности, связавшее идеи платонизма и стоицизма с представлениями восточных религий.

12

Философско-филологическая заметка Вяч. Иванова носила название «К вопросу об орфографической реформе» и развивала мысль о недопустимости поспешного проведения грамматической реформы в стране, «малоимущей в культуре».

13

Статья «Перевал» опубликована Г. Чулковым (под псевд. Кремнев) в разделе «Политическая хроника». Ее главная идея: «социализм… должен быть освещен религиозной истиной».

14

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – религиозный философ, разрабатывал проблему свободы личности в духе экзистенциализма, персонализма и христианской эсхатологии. В 1922 г. был выслан за границу. В послании «Н. Бердяеву» (1920) Чулков отметил его «трудолюбие», «веселость» и «мудрое сердце» (Стихотворения Георгия Чулкова).

15

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – экономист и философ, был выслан из России в 1922 г. Он полемизировал с Чулковым в связи с пониманием последним идейного смысла поэзии Вл. Соловьева (Булгаков С. Без плана. Несколько замечаний по поводу статьи Г.И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева // Вопросы жизни. 1905. № 5).

Свои статьи политического характера Чулков подписи вал псевдонимами Б. Кремнев, Б.К., театральные рецензии – Tch, Ч. и др.

17

Франк Семен Людвигович (1877–1950) – религиозный философ, автор трудов по гносеологии, психологии, социальной философии. В 1922 г. выслан за границу.

18

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ-идеалист, представитель интуитивизма и персонализма. Выслан за границу в 1922 г. До 1945 г. жил в Праге, в 1947–1950 гг. – в Нью-Йорке.

19

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – юрист и философ, профессор Московского университета. Философская основа его правовых воззрений – неокантианство. В эмиграции – с 1920 г.

20

Водовозов Василий Васильевич (1864–1933) – публицист, общественный деятель, экономист, юрист. Выехал в Берлин (в 1922), затем – в Прагу (1924). Существует версия, что он покончил жизнь самоубийством.

21

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – экономист, видный представитель «легального марксизма».

22

Яснопольский Леонид Николаевич (1873-после 1917) – журналист, сотрудник «Русских ведомостей», с 1902 г. – приват-доцент Киевского и Харьковского университетов.

23

Семенов Леонид Дмитриевич (1880–1917) – поэт и прозаик символистского направления, религиозный пропагандист, внук ученого и общественного деятеля П.П. Семенова-Тян-Шанского. После 1905 г. стал странником.

24

Кондратьев Александр Алексеевич (1876–1967) – поэт, прозаик, автор стилизаций на античные темы (роман «Сатиресса»), товарищ Блока по университету. С 1919 г. жил на Волыни, в 1939 г. переехал в Варшаву, затем в Белград и Швейцарию. Умер в США.

25

Гюисманс Шарль Мари (1848–1907) – французский писатель-импрессионист. Его роман «Наоборот» (1884) получил известность как «библия декадентства». Чулков относил Гюисманса к эпигонам декадентства и утверждал, что «после опыта таких высоких поэтов-декадентов, как Поль Верлен и Федор Сологуб, современные декадентские эксперименты нередко кажутся ребяческими забавами, достойными разве героя романа Гюисманса «Наоборот» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 31; план работы «Кризис символизма»).

26

Вилье де Лиль-Адан Филипп Огюст Матиас (1838–1889) – французский писатель, в среде символистов особенной популярностью пользовались его «Жестокие рассказы» (1883).

27

Имеется в виду субъективный идеализм и агностицизм немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804).

28

Положительная, или катафатическая, религия описывает Бога посредством позитивных атрибутов и обозначений (в отличие от апофатической теологии).

29

А.С. Пушкин. «Борис Годунов» (Сцена: Ночь. Келья в Чудовом монастыре).

Эту формулу Ф.М. Достоевского в применении к своему творчеству и философским построениям Чулков использовал неоднократно. Так, в одном из вариантов повести «Вредитель» он, характеризуя особенности избранной им манеры повествования, писал: «Пусть в этом пункте (композиция. – М.М.) у меня будет некоторый изъян, зато я выиграю на реализме, т. е., разумеется, не на глупеньком псевдореализме, который нужен бездарностям, а на том реализме в высшем смысле, без которого все летит к черту на рога <…> я не верю в сущее абсолютное, зато верю в становящееся абсолютное. По-моему, это все-таки реализм» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 121).

31

А.С. Пушкин. «Полтава». Песнь вторая.

32

Журфикс (*фр.*) – определенный день недели, предназначенный для приема гостей.